

УДК 902.470.343

КОСТЮМ СРЕДНЕВЕКОВОГО МАРИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК МАРКЕР ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Т. Б. Никитина

*Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
при Правительстве Республики Марий Эл*

Представлено обобщение всех известных в настоящее время материалов по костюму из марийских средневековых могильников IX–XI вв. (249 комплексов из 7 памятников), которые рассмотрены на фоне широких аналогий из синхронных древностей соседних территорий. Для реконструкции и выделения этнического своеобразия костюма использованы не только украшения, но и сохранившиеся остатки органических материалов: ткани, кожи, меха и т. д.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Ветлужско-Вятское междуречье, средневековье, костюм, марийцы, волжские финны.

T. B. Nikitina. MEDIEVAL COSTUME OF MARI POPULATION AS A MARKER OF ETHNIC CULTURE

The article is a synthesis of all currently known materials on the costume from 9th–11th century Mari medieval burials (249 assemblages from 7 sites), which are discussed against the background of the broad similarities with synchronous antiquities from neighboring territories. The ethnic identity of the costume was reconstructed using not only jewelry, but also the preserved remains of organic materials: fabrics, leather, fur, etc.

Key words: Vetluga-Vyatka interfluves, Middle Ages, costume, Mari, Volga Finns.

Костюм любого этноса формируется на протяжении длительного времени; его облик изменяется под воздействием различных факторов: географических, экономических и исторических. Изменения климата, миграции, торговые и этнокультурные контакты способствуют складыванию специфического костюмного комплекса, который является важным источником для изучения культурной, политической и экономической истории древнего населения, его своеобразной «визитной карточкой». Значение костюма как источника для изучения этнической культуры марийского населения эпохи средневековья, не документированной письменными источниками, особенно важно.

Использование отдельных элементов костюма, а особенно украшений, в качестве этноопределяющего индикатора для выводов исторического характера возможно при соблюдении соответствующей методики исследования. В противном случае они превращаются в эластичный материал, которым возможно иллюстрировать любые, иногда некорректные, не соответствующие исторической действительности построения.

Для выявления и реконструкции этнографического облика средневекового костюма марийского населения в данной статье использованы следующие методические подходы:

1. Из общей массы сохранившихся частей костюма и украшений, обнаруженных в средневековых марийских могильниках, были выделены наиболее характерные типы предметов и элементы одежды, объединяющие рассматриваемые археологические памятники и не получившие распространения у населения других культур.

2. Путем системного анализа основным элементам и украшениям марийского костюма выявлены аналогии в костюмных комплексах населения, проживавшего на сопредельных территориях.

3. Украшения рассматривались в составе конкретного костюмного комплекса (одно погребение) с учетом их функционального назначения и точного местоположения, указывающего на особенности ношения.

4. Сделана попытка сопоставить выявленные в средневековых могильниках фрагменты частей одежды с марийским традиционным костюмом (XVIII–XIX вв.), известным по публикациям этнографов и искусствоведов, и, таким образом, атрибутировать указанный археологический материал.

Объектом исследования явились отдельные элементы костюма и украшения, принадлежавшие взрослым индивидам из семи погребальных памятников IX–XI вв. (249 комплексов), расположенных в Ветлужско-Вятском междуречье. Большинство исследователей считают, что эти памятники оставлены населением, которое являлось предками современных марийцев.

Впервые марийские «этноопределяющие» украшения в могильниках IX–XI вв. обозначил Г. А. Архипов: головной убор, состоящий из налобного венчика и медных цепочек; височные кольца с заходящими концами, один из которых отогнут и имеет различное оформление в виде утолщения, грибовидной или многогранной головки; трапецевидные пластинчатые подвески с конскими головками; арочные подвески со сплошной основой; усатые широкосрединные перстни [Архипов, 1973. С. 17–40]. В настоящее время в результате работы с полными комплексами погребений стало возможным этот список корректировать, дополнить и уточнить отдельные детали. Использование для реконструкции костюмов органических материалов (кожи, меха, ткани) позволило представить более полный облик костюма и выявить его особенности. К сожалению, неудовлетворительная сохранность органики исключила возможность количественных подсчетов. Но даже реконструированные с использованием фрагментов кожи, ткани, меха единичные экземпляры костюмов дают возможность значительно расширить наши знания о древней марийской одежде.

Материалы для изготовления одежды

Остатки меха, ткани, кожи в виде тлена и разрозненных фрагментов находили в могильниках неоднократно. При публикации Веселовского могильника (далее Веселово) упоминались «кафтаны из телячьей шкуры» (пп. 2, 15), «овчины» (п. 12) или «молодого лося» (п. 5), рубахи из «куньего меха» (пп. 12, 15), шапка из «меха куницы» (п. 12) с оторочкой из «лисыего меха» (п. 4) [Халиков, Безухова, 1960. С. 32–33]. Ссылки на заключения специалистов в литературе прежних лет, к сожалению, отсутствуют; вероятно, определение материала проводилось археологами визуально. С целью уточнения видового состава животных, из шкур которых изготовлялась одежда, проведены исследования 17 образцов меха из пп. 3, 5, 6 и жертвенных комплексов (далее жк) 2, 4 Русенихинского могильника (далее Русениха), жк 13 могильника «Нижняя стрелка» и жк 2, п. 15 могильника «Черемисское кладбище». Изучение проводилось параллельно в двух лабораториях доцентом кафедры зоологии МарГУ В. И. Дроботом (12 экз.) и экспертом-криминалистом Н. С. Курочкиным (5 экз.). Оба исследователя получили сходные результаты: образцы меха обладают диагностическими признаками, характерными для волосяного покрова бобра. Внешняя разница меха по длине, твердости, цвету ворса объясняется возрастом особей и зависит от того, какая часть шкуры зверька использована для изготовления одежды. Из хвоста бобра произведены кошельки грушевидной формы. Ячеистая поверхность кожи на кошельках является естественной, а не специальным тиснением, как часто упоминается в археологической литературе.

В погребениях обнаружено значительное количество фрагментов тканей от головных уборов, рубах, верхней одежды (кафтанов?), обуви. Часть тканей проанализирована сотрудником Института природного и культурного наследия им. Д. С. Лихачева к. и. н. О. В. Орфинской. Для анализа взято 49 образцов (не более трети имеющегося материала) из Русенихи и «Нижней стрелки», среди которых установлены ткани растительного происхождения полотняного переплетения, шерстяные ткани полотняного и саржевого переплетения и фрагменты шелка. Среди общей массы обнаруженных фрагментов, так же как и среди проанализированных образцов, преобладают шерстяные ткани. Такое соотношение текстиля отмечено исследователями для средневековых могильников поволжских [Ефимова, 1966. С. 132] и прибалтийских финнов Юго-Восточного При-

ладожья [Давидан, 1989. С. 334; Косменко, 1984. С. 10], а также чепецкой культуры [Елкина, 1988. С. 146]. В Верхнем Прикамье, напротив, зафиксировано преобладание тканей из растительных волокон [Крыласова, 2001. С. 32; Оборин, 1953].

Значительный интерес представляют остатки вышивки металлической нитью: пп. 2, 6, 8 и жк 5, 6 Русенихи, пп. 5, 15, 16 Веселово, жк 13 «Нижней стрелки». По определению д. т. н. С. Я. Алибекова, для изготовления нити использована оловянно-свинцовая бронза (Cu-Sn-Pb), аналогичная металлу для «оловянного бисера», украшавшего костюмы средневековых поволжских финнов [Никитина, Алибеков, 2012. С. 140–147]. В большинстве случаев от вышивки сохранились лишь россыпи металлической окиси в районе подола, боковых швов рубаш или штанов, которые позволяют определить длину и особенности покроя. Несколько раз удалось зафиксировать фрагменты орнамента. На ткани из жк 5 Русенихи орнамент горизонтально-зональный: прямые ряды чередуются с рядами с изображением крестов (рис. 1: 2). На фрагменте кожи из этого же комплекса узор образован параллельными рядами стежков шириной 5 мм, между стежками 2 мм, между рядами 10–11 мм. В жк 6 Русенихи вышивка на ткани состоит из горизонтальных рядов и вертикальных столбиков металлической нити, образующих квадраты, в центре которых косые кресты (рис. 1: 1). Вышивка из прямых горизонтальных линий в сочетании с полосой зигзагов и вертикальных столбиков обнаружена в п. 5 Веселово. Орнамент косой крест в квадрате зафиксирован в п. 16 Веселово, из горизонтальных и вертикальных рядов – в п. 15 Веселово, из горизонтальных рядов – в жк 13 «Нижней стрелки» [Никитина, 2012. Рис. 19/1, 205/24].

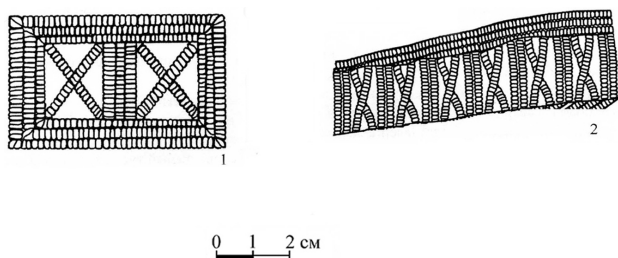

Рис. 1. Вышивка металлической нитью. Русенихинский могильник: 1 – жк 6; 2 – жк 5.

Элементы кроя и детали костюма

Обилие металлических украшений, создавших консервирующую среду из окислов меди, способствовало сохранению достаточно круп-

ных фрагментов тканей и кож, что позволило проследить отдельные элементы кроя и реконструировать некоторые детали костюма.

Головные уборы. В женских захоронениях на черепах в налобной части обнаружены фрагменты убора (пп. 3, 4, 12 Веселово, п. 1 «Черемисского кладбища», пп. 10, 17 «Нижней стрелки» и т. д.), которые предшественниками названы налобными венчиками. По материалам Веселовского могильника А. Х. Халиковым и Е. А. Безуховой была сделана реконструкция венчиков: они имели прямоугольную форму, длину 15–20 см (иногда более 30 см), ширину 3–3,5 см и украшены вышивкой или металлическими накладками [Халиков, Безухова, 1960. С. 46; Никитина, 2012. Рис. 10/14, 14/1]. История зарождения этого элемента убора в Ветлужско-Вятском междуречье и возможные аналогии освещены Г. А. Архиповым, который склонен был видеть в украшении прототип современного женского головного убора «сорока» [Архипов, 1961. С. 127–138; 1973. С. 18–19].

По моему мнению, по форме и размерам описанные изделия имеют больше сходства с налобным украшением «нашмак» (марийск.), составляющим часть полотняного головного убора марийских женщин «шарпан-нашмак», чем с «сорокой», которая распространена в районах совместного проживания марийцев с русскими и заимствована от последних [Молотова, 2012. С. 185]. «Нашмак» служит для крепления полотенца «шарпана» на голове. «Шарпан» представляет собой полотенце с украшенными боковыми краями и расшитыми концами. Размеры полотенца составляют у луговых мариек до 200 x 40 см, у горных более 200 x 25 см [Молотова, 2012. С. 186, 188], у восточных 200 x 30 см [Сепеев, 1975. С. 193].

Прямоугольные куски ткани значительных размеров с боковыми кромками являются частой находкой. В п. 19-а «Нижней стрелки» обнаружены два прямоугольных фрагмента шерстяной ткани саржевого переплетения размерами 130 x 30 и 122 x 31 см. У первого фрагмента с четырех сторон заметны кромки. По пропорциям данные образцы ткани близки к «шарпану». По этнографическим материалам известно, что концы «шарпана» богато украшались вышивкой, тесьмой, шерстяной или шелковой домотканой лентой [Молотова, 1992. С. 36; 2012. С. 186]. О. В. Орфинская обнаружила в составе текстиля из п. 19-а мелкие плохо сохранившиеся кусочки шелка, который, вероятно, и использовался для украшения концов полотенца. В жк 4 этого же могильника край прямоугольного изделия из тонкой шерсти темно-синего цвета обшит (или обвязан?)

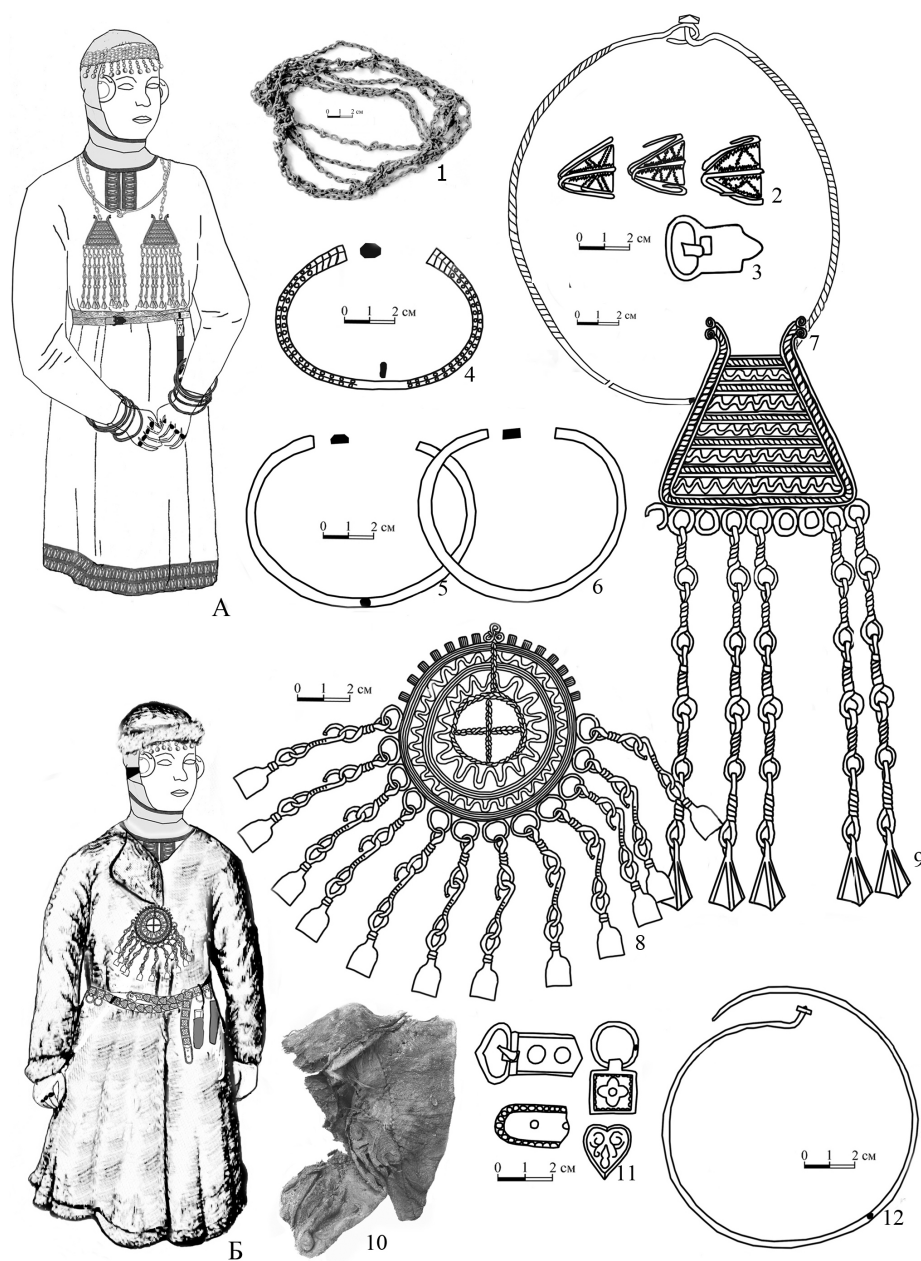

Рис. 2. Русенихинский могильник, п. 6.

светлой шерстью и украшен лентой из тонкой ткани растительного происхождения и узором, выполненным цветными шерстяными и металлической нитями.

В марийской этнографии существует достаточно устойчивое мнение о том, что головной убор «*шарпан-нашмак*» является заимствованием у тюркских народов: татар, башкиров или чувашей [Молотова, 1992. С. 37]. Перечисленные факты свидетельствуют о том, что головной убор типа «*шарпан-нашмак*» появился у марийцев уже в эпоху средневековья.

Головные полотенца с вышивкой на концах известны у средневековой мордвы. В. Н. Мартынов в Крюково-Кужновском, Елизавет-Михайлов-

ском, Журавкинском могильниках отметил более 50 находок остатков полотенец [Мартынов, 1976. С. 92–93]. В п. 300 Крюково-Кужновского могильника размеры полотенца составляют 18 x 80 см [Материалы..., 1952. С. 99–100].

В качестве верхней одежды использовались **шубы и кафтаны**.

Шуба являлась, вероятно, обязательным атрибутом погребальной одежды (рис. 2). Неслучайно марийская загадка «Одежду покойника надеваю» имеет ответ «шуба» [Марийские народные загадки..., 2006. С. 377]. В п. 6 Русенихи край рукава шубы обшит полоской кожи в виде манжеты. Послойная фиксация вещей и органических остатков в погребениях позво-

лили выявить, что в большинстве случаев шуба шилась мехом внутрь. Шуба мехом наружу встречается редко, но, например, в п. 6 Русенихи обнаружены остатки двух шуб: одна мехом внутрь, другая наружу.

Фрагмент верхней одежды, возможно кафтана, из нескольких пластин тонкой кожи обнаружен в жк 13 «Нижней стрелки» с женским набором вещей. Ширина пластин в высохшем состоянии 25 см, длина сохранившейся части 34 см. Куски кожи сшиты с изнаночной стороны обметочным швом. На изнаночной стороне кожи сохранились следы прилипшего органического материала, заметны тонкие пуховые волосы. Один фрагмент имеет следы подгиба, т. е. не исключено, что кожа покрывала меховую подкладку.

В жк 6 Русенихи с мужским инвентарем обнаружено несколько фрагментов шерстяной ткани, которая различается по толщине. Среди более плотной ткани находился большой лоскут со швами, по которому возможно проследить покрой. Длина сохранившегося фрагмента 27 см, он состоит из пяти полос (4 шва): ширина первой полосы 9 см, вторая полоса с одного конца 7 см, с другого 9 см; третья полоса соответственно 6 и 8 см, четвертая полоса шириной 9 см, пятая сохранилась в небольшом фрагменте, не дающем представления о размерах. Обнаруженный образец являлся, вероятно, фрагментом подола кафтана. Шов, соединяющий подол с верхней частью, также сохранился. Все швы выполнены с двойным подгибом, чистовые на обе стороны. Находка фрагмента текстиля предположительно от кафтана с клиньями представляет значительный интерес, так как, по этнографическим данным, отрезной по талии кафтан со сборами или клиньями считается одеждой более поздней по сравнению с прямоспинной одеждой туникообразного покроя [Гаген-Торн, 1960. С. 135; Крюкова, 1956. С. 131–133].

Пояс. Одним из обязательных атрибутов марийского костюма является наборный пояс. Опираясь на комплекс украшений, можно сказать, что наборные пояса на Дубовском и Веселовском могильниках характерны как для мужских, так и для женских погребений в равной степени. Эти наблюдения подтверждаются материалами «Нижней стрелки», которые обработаны специалистами-антропологами: из 20 костяков с поясными наборами женские составили 9, мужские – 11.

У большинства окружающих марийцев народов наборный пояс, являясь показателем социального ранга, принадлежал воинам. Наборные пояса зафиксированы преимущественно

в мужских захоронениях в Ярославском Поволжье [Мальм, 1963. С. 65], Новгородской земле [Михайлов, Соболев, 2000. С. 225], Средней Швеции, где известна только единственная находка в женском захоронении на о. Оланд [Михайлов, 2005. С. 138]. Наборный пояс является принадлежностью воинского мужского костюма у большинства кочевников [Худяков, Иванов, 2006. С. 513; Добжанский, 1990]. В мужских захоронениях пояс с накладками найден также у финнов на западе Новгородской земли [Хвошинская, 2004. С. 91], в памятниках чепецкой древнеудмуртской культуры [Иванова, 1991. С. 41–42; Иванова, 1999. С. 228], муромы, мордвы-эрзи [Гришаков, Зеленева, 1990. С. 25–32; Бейлекчи, 2005. С. 55].

Подобное марийскому использование наборного пояса в мужском и женском костюмах встречается у синхронного населения Пермского Предуралья, но количество комплексов с такими находками невелико – 12,1 %: мужских – 5,49 %, женских – 18,7 % [Крыласова, 2001. С. 87–89, 95, 96].

В более ранний период находки поясов в женских захоронениях встречаются в раннеболгарском Танкеевском, древнемадьярском Большетиганском (втор. пол. VIII – нач. IX в.) [Халикова, 1976. С. 168] могильниках, в IX–X вв. в курганах Южного Урала [Мажитов, 1981. С. 60, 65, 83]. Более частые находки наборного пояса в женских костюмах, чем в мужских, являются отличительной чертой караякуповской и неволинской культур [Иванов, 2006. С. 411].

Обнаруженные в марийских могильниках пояса изготовлены из толстой кожаной ленты шириной 1,5–2 см. На кожу крепились с помощью шпеньков металлические накладки. Отдельные экземпляры имели более сложное строение: кожаная лента сверху была обтянута тонкой, вероятно, крашеной кожей, поверх которой прикреплены накладки (пп. 12, 13 Веселово, п. 3 Русенихи). В жк 13 Русенихи ремень обтянут шелковой тканью и также украшен накладками. У наиболее статусных членов общества основной ремень дополнялся боковыми ремешками (от 1 до 6). Один набор, как правило, имел накладки двух типов, выполненные в одном художественном стиле. Обычно в этом же стиле изготовлены пряжка, наконечник и накладки от дополнительных ремешков. Разнообразные в типологическом отношении накладки отражают широкие торговые и культурные контакты марийского населения преимущественно с лесостепным и степным миром.

По материалам марийских могильников выявлено несколько способов ношения пояса: 1) один оборот; 2) 1,5 оборота; 3) 2 оборота.

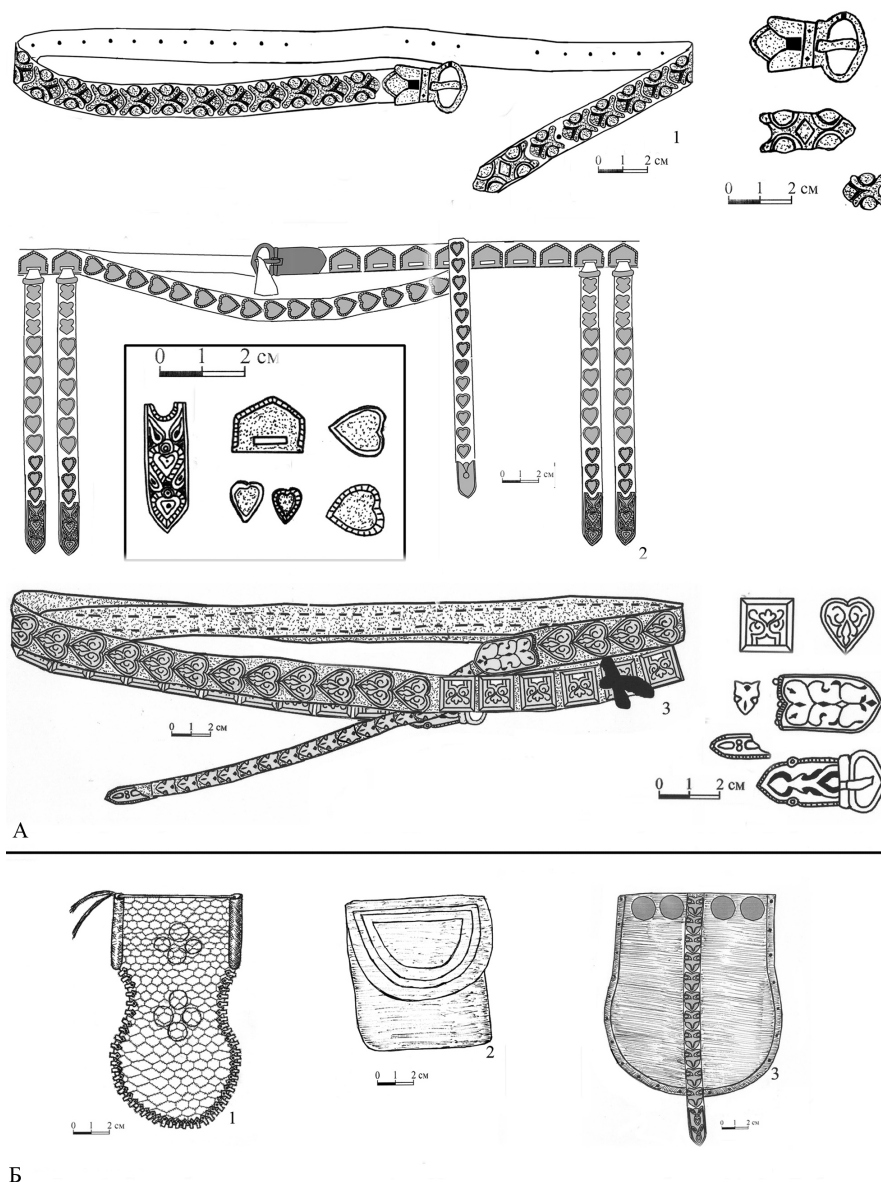

Рис. 3. А – реконструкция поясов: 1 – «Нижняя стрелка», п. 31; 2 – Дубовский могильник, жк в кв. Е/4; 3 – Русенихинский могильник, п. 3. Б – реконструкция кошельков: 1 – Веселовский могильник, п. 13; 2 – Веселовский могильник, п. 15; 3 – Русенихинский могильник, жк 2

В первом случае конец кожаного ремня был продет в пряжку и затыкался за ремень или свободно свисал вниз. Ремень по всей длине покрыт накладками. Такой способ ношения пояса наиболее простой и универсальный и известен повсеместно (рис. 3, А: 1).

Во втором случае к основному кожаному ремню сбоку крепился дополнительный ремешок, конец которого продевался в пряжку и замыкал пояс. Свободный конец основного ремня, украшенный накладками и наконечником, перекидывался через ремень, образуя на животе еще один ряд, и свисал вниз (рис. 3, А: 2). На основном ремне прикреплены накладки, дополнительный ремешок накладок не имел. Ана-

логичные пояса были реконструированы по материалам венгерских могильников Пербете, Башхалом, Яношсалаш И. Диенешем, который связывал их появление с «Понтийской Болгарской державой» [Диенеш, 1959. Vol. 86], а также обнаружены в Большетиганском могильнике [Халикова, 1976. С. 168, рис. 9].

В третьем случае кожаный ремень был обернут дважды, образуя на животе два ряда, а на спине перекрещивался (рис. 3, А: 3). Ремень по всей длине покрыт металлическими накладками. Раскопки Русенихинского могильника, на котором производилась послойная фиксация одежды в погребениях, показали, что пояс в два оборота являлся преобладающим. Можно ут-

верждать, что подобный способ ношения пояса является оригинальным для могильников Ветлужско-Вятского междуречья, так как на других территориях практически не встречается.

Близкий способ ношения сохранился в традиционном марийском костюме. Ю. Вихманн подробно описала несколько вариантов марийских поясов, среди которых значительную часть составили пояса, обернутые вокруг талии в два и даже три оборота [Вихманн, 1913. С. 42–43, 46]. У марийцев празднично-обрядовый пояс называется «*шиянүшто*» (серебряный пояс) [Молотова, 1992. С. 51].

На других территориях нам известен только один наборный пояс, дважды обернутый вокруг талии, – в реконструкции костюма «чухонки» И. Г. Георги; упоминания о таких поясах отмечены для ижоры и получили название «оловянный ремень» [Шлыгина, 1986. С. 221–222].

Неотъемлемой частью поясного набора являются **кошельки**, информация о которых сохранилась в 55 комплексах.

1. Кошельки лировидной (в литературе встречается «грушевидной» или «подковообразной») формы из двух пластин ячеистой кожи имеют округлую нижнюю часть и горловину в форме цилиндра или раструба (32 экз.) (рис. 3, Б: 1). Нижняя округлая часть окантована мелкими обоймочками-зажимами из цветного металла. Боковые края верхней части имеют зажимы в виде несомкнутой трубочки или двух сплошных металлических пластин. Кошельки обнаружены преимущественно в мужских захоронениях. Женские захоронения с такими кошельками являются исключением (2 экз. на Юмском могильнике) и отличаются особым статусом: они принадлежали литейщицам.

2. Кожаные кошельки с нижним округлым краем, боковые края слабо изогнуты и горловина почти не выражена (5 экз.) (рис. 3, Б: 3). Кошельки по бокам имеют прошитую кожаную или металлическую сплошную полосу, по центру узкий ремешок для застегивания и крепления к ремню. На лицевой стороне прикреплен пластина из фольги цветного металла (п. 19 Веселово, жк 8 Русенихи) или иные украшения (п. 5 Веселово). Встречаются в мужских и женских комплексах.

В единичных случаях встречаются кошельки других типов.

Кошельки 1-го типа имеют наибольшее распространение в средневековых древностях Ветлужско-Вятского междуречья. Аналогичные находки встречаются в памятниках волжских булгар [Казаков, 2001. С. 173], Пермском Предуралье [Крыласова, 2007. С. 225], Чепце [Иванов, 1991. С. 149, рис. 10, 13–14], Примокшанье

[Материалы..., 1952. С. 127, 150], Кубенском озере, у д. Челмужи в Прионежье [Зайцева, 2008. С. 78–79] и могильнике Бирка [Arbman, 1940. Nff. 279, 5], но не получили там массового распространения. Есть все основания считать их маркером культуры марийского населения Ветлужско-Вятского междуречья [Никитина, 2013].

Массовые аналогии кошелькам 2-го типа находятся в венгерских погребальных комплексах Карпато-Дунайского бассейна [Эрдели, 1972. С. 137, рис. 1; The Ancient Hungarians, 1996. С. 73, 88, 95, 112, 120, 126, 153, 154 и др.], отдельные аналогии известны в Бирке [Arbman, 1940. Nff. 958, 819], Пермском крае [Белавин и др., 2009. С. 222, рис. 77/24], в мордовских Пановском [Материальная культура..., 1969] и Крюково-Кужновском [Материалы..., 1952. С. 59, табл. XII/1; с. 127] могильниках.

Обувь. Впервые обувь была реконструирована Е. А. Безуховой и А. Х. Халиковым по материалам Веселовского могильника и отнесена к типу поршней [1960. С. 32–33], затем достаточно подробно описана Г. А. Архиповым [1961. С. 134–135]. В обоих случаях основное внимание было уделено рассмотрению украшений и их места в составе изделия. Детали, связанные с особенностями кроя и ношения, оставались неизвестными. Максимальное привлечение органических материалов, полученных в результате раскопок последних лет, позволяет восстановить наиболее полный облик обуви.

Основная часть изделия, закрывающая ступню, изготавливалась из одного или двух соединенных на заднике швом кусков кожи. В прорези по верхнему краю вдевался кожаный ремешок, который слегка стягивал изделие; к нему крепились дополнительные украшения: петлевидные или очковидные подвески, бронзовые пронизки или прямоугольные планки с шумящими подвесками. В п. 7 Юмского могильника внутри была обнаружена береста, а в жк 11 Русенихи береста крепилась на подошву снаружи. В покрое и оформлении передней части (носки) наблюдаются различия. 1. Носок обуви состоял из двух половинок, являющихся продолжением кусков, закрывающих ступню. По центру проходил шов, а поверхность носка украшена металлическими пронизками и цепочками. 2. Носок имел вшитый треугольник из кожи, украшенный металлической нитью и пронизками. Вокруг вставленного треугольника кожа плотно собрана с помощью четырех рядов цветных нитей. Петлевидные и очковидные подвески служили не только украшением, но и

удерживали шерстяные шнурки, которые оборачивались вокруг ноги. В жк 5, 14 Русенихи шнуры (по два с каждой стороны) длиной 77 см изготовлены из прядей двух цветов, сплетенных в косичку, имели раздвоенный конец, украшенный бронзовыми пронизками. На заднике пришита умбоновидная подвеска с привесками и пять металлических бусин с продетыми кожаными шнурками (два шнурка по 30 см), которые также оборачивались вокруг ноги. В опубликованной ранее литературе упоминаний об онучах не встречается, а указано, что поршни носились на шерстяной чулок. В указанных комплексах под шнурками найдены достаточно крупные фрагменты тонкой шерстяной ткани саржевого переплетения без швов, похожие на остатки онуч. «Онучи делались обычно из холста или неокрашенной пестряди (для лета) и из белой домашней полушерстяной или шерстяной ткани (для зимы)» [Сепеев, 1975. С. 181], поэтому по находкам мелких фрагментов их легко спутать с чулками (к тому же они не исключали последних). Онучи перевязывались сверху шнурком или веревкою, или «лентой из красного сукна» [Филоненко, 1914. С. 8].

Сходные формы обуви существовали у муромы. По материалам Подболотьевского могильника известно несколько реконструкций женской обуви, которая состояла также из поршней с бронзовыми украшениями в области носка и по верхнему краю и ремешков с бронзовыми пронизками вокруг ноги [Городцов, 1914. Рис. 33, 34, 39, 40, 47, 61]. Украшения носков обуви и фрагменты ремешков типа обор также обнаружены в Чулковском могильнике (п. 24, 30) [Гришаков, 1986. Табл. 46, 81]. Кожаная обувь с втачным носом, судя по украшениям, существовала в мордовских захоронениях VIII–XI вв. Степановского [Петербургский, Аксенов, 2008. С. 59] и одновременного Второго Старобадиковского [Петербургский, 2011. С. 107] могильников. Достаточно убедительные реконструкции обуви этого периода у мордвы сделаны В. Н. Мартыановым [2001. С. 270] и Р. Ф. Ворониной [1974. С. 38]. Близкий покрой обуви с украшенным носком находит свои истоки в более раннем Безводнинском могильнике V–VII вв. [Краснов, 1980. С. 68, 69].

Несмотря на сходство основных элементов и кроя обуви волжских финнов, каждый народ имел свои особенности в формах украшений.

Традиция украшать обувь в районе носка и онуч продолжает сохраняться в марийском костюме до XX вв. [Молотова, 1992. С. 38, 40] и была впоследствии перенесена на лыковую обувь.

Украшения изготовлены преимущественно из медно-оловянистых сплавов или серебра. Они рассмотрены в научной литературе подробно в различных аспектах; именно среди них и были выделены этномаркеры марийской культуры средневекового периода.

Украшения головы. Цепочки из проволочных звеньев цветного металла обертывались вокруг головы несколько раз (см. рис. 2: 1). Число оборотов, вероятно, зависело от возраста, имущественного и социального статуса носительницы. Иногда цепочки имели более сложное устройство: каждый ряд был изготовлен из оригинальных звеньев и самостоятельно замкнут, ряды между собой соединялись специальными креплениями. От головной цепочки на лоб спускались короткие цепочки с шаровидными бубенчиками, привески со стороны затылка имели длину до 5 см, привески в области висков или за ушными раковинами – 10–15 см и завершались на концах бубенчиками, когтями рыси, коньковыми костяными привесками или иными оберегами.

Яркой и выразительной деталью женского головного убора являлись *височные браслетообразные кольца* из медной или серебряной проволоки с заходящими концами, один из которых отогнут и имеет различное оформление (см. рис. 2: 12): гвоздевидная шляпка, грибовидная гладкая или граненая головка, простое завершение в виде крючка, а второй – обрублен или заострен. В могильниках IX–XI вв. их найдено более 120 экз. У ветлужских женщин в костюме присутствует по 4–6 височных колец (по 2–3 с каждой стороны). В отдельных случаях к ним привешивались дополнительные подвески или серьги-подвески, среди которых встречаются привозные изделия.

Характерной особенностью костюма марийского населения Ветлужско-Вятского междуречья в IX–XI вв. является наличие *височных подвесок* не только к височным кольцам, но и в виде самостоятельных украшений с треугольным или арочным щитком и дополнительными шумящими привесками на длинных цепочках (жк 4 «Нижней стрелки», п. 79 Дубовского могильника).

Серьги-кольца с гроздевидной привеской, овально-треугольной, калачевидной формы, со змеевидным основанием обнаружены в основном в мужских захоронениях по обеим сторонам головы (рис. 4). В женских погребениях они встречаются значительно реже и, как правило, по одному экземпляру. Способ ношения этих украшений различен. А. Х. Халиков, опираясь на местонахождение изделия в п. 4 Веселово, реконструировал их в качестве ушных серег, но известны случаи, когда изделия привязывались

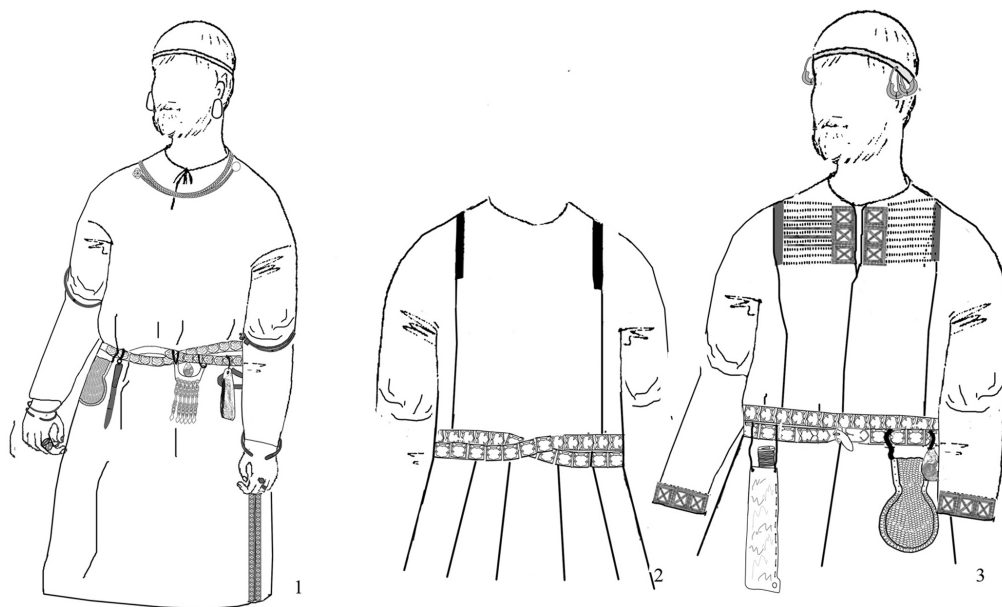

Рис. 4. Реконструкция мужских костюмов. 1 – Русенихинский могильник, п. 8; 2, 3 – Русенихинский могильник, жк 6

к височному кольцу или к волосам, дополняя комплекс височных украшений (п. 10 Веселово). Специфических для населения Ветлужско-Вятского междуречья серег-колец не выявлено, но у населения этого региона наиболее распространенными были калачевидной формы.

Показательной деталью головного убора в марийских могильниках являются *накосники*. В памятниках IX–XI вв., к сожалению, большинство найденных накосников сохранились фрагментарно (около 30 погребений). Среди них преобладают простые формы из шнуров с бусами, а также кистевые накосники из нескольких ремешков или шнуров с бронзовыми бубенчиками, треугольными подвесками, лапчатыми и коническими привесками и различными оберегами (п. 14 Русенихи, п. 6 Юмского могильника). Накосник из нескольких ремешков имеет сходство с широко распространенным марийским украшением XVI–XVII вв. «*јпинэ*» [Никитина, 1992. Рис. 22], а также с известным по этнографическим материалам украшением «*јп кандыра*», т. е. «шнурки для волос». Концы шнурков обычно заправляются за пояс [Тимофей Евсеев, 2002. С. 109, 112, 123]. Такое положение накосника зафиксировано в п. 3 конца XI в. марийского Выжумского могильника.

Выразительный облик имеют *нагрудные* трапециевидные *подвески* из спаянных прямых и зигзагообразных медных проволок со стилизованными (конскими?) головками, повернутыми в противоположные стороны (см. рис. 2: 9). Снизу щиток имеет петли (10–13 шт.) для шумящих лапчатых или бутыльчатых привесок на

длинных цепочках. Украшения носились парно по обе стороны груди и соединялись между собой перекинутыми через шею ремешком или цепочкой. Подобные украшения обнаружены в самых богатых женских захоронениях, общее их количество чуть более 40 экз. Картографирование показывает, что их распространение ограничено марийскими памятниками Ветлужско-Вятского междуречья. Единичные экземпляры обнаружены в муромских древностях, но входили в состав ожерелий [Никитина, 2002. С. 107, 108].

В такой же технике изготовлены подвески с круглым ажурным щитком и шумящими привесками по нижнему краю (п. 10 «Нижней стрелки», п. 14, 15 «Черемисского кладбища», п. 77 Дубовского, п. 6, жк 14 Русенихи) (см. рис. 2: 8). Эти изделия по форме и технике изготовления напоминают мордовские украшения, но у последних в верхней части имеется значительный выступ, оформленный в большинстве случаев в виде конских головок [Голубева, 1979. С. 53–56]. Украшение, аналогичное мордовским, найдено только в одном случае – в жк 13 «Нижней стрелки». Более близки к изделиям, найденным в марийских захоронениях, муромские украшения с шумящими подвесками или без них [Бейлекчи, 2005. С. 172, 174; Гришаков, Зеленева, 1990. Рис. 8].

Кроме специфических, описанных выше, украшений в погребениях обнаружены биконьковые и арочные подвески, которые также носились парно по обе стороны груди. По способу парного ношения нагрудных украшений марий-

ский костюм имеет аналогии с мордовским, в котором различные типы украшений (пирамидальные, прямоугольные и пластинчатые трапецевидные) также прикреплялись к концам ремня, перекинутого через шею, а затем дополнительно пристегивались или пришивались к одежде в районе груди [Голубева, 1987. С. 104].

Обязательной деталью марийского костюма являются *браслеты* (рис. 2: 4–6). Браслеты обнаружены в мужских и женских захоронениях, в последних иногда от 6 до 16 экземпляров в одном погребении. Особенно много браслетов (80 % погребений) обнаружено в Веселовском и Русенихинском могильниках. По количеству браслетов в погребениях и количеству погребений с браслетами марийские могильники близки с захоронениями поволжских финнов (муромы и мордвы) и существенно отличаются от памятников других окружающих народов. В Верхнем Прикамье браслеты не очень популярны и обнаружены по 1–2, редко 3 браслета в богатых захоронениях, являясь статусным украшением (19,7 % мужских и 30,2 % женских) [Крыласова, 2001. С. 102]. Немногочисленны браслеты в памятниках чепецкой культуры [Иванова, 1982. С. 58]. В могильниках северо-западной и северо-восточной Руси браслеты являются частой находкой, но обнаружены преимущественно по 1–2 экз. в погребении, наличие более трех изделий в одном комплексе является исключением [Левашова, 1967. С. 207].

В мужских погребениях марийских могильников браслеты, как правило, массивнее и обнаружены в районе локтевых суставов. Вероятно, они выполняли не только декоративную функцию, но и поддерживали рукав, позволяя его подтянуть в случае производственной необходимости (см. рис. 4). Подобное положение браслетов зафиксировано также в ряде мордовских захоронений Крюково-Кужновского могильника [Материалы..., 1952. С. 144–147].

Основная масса украшений, имеющих этническую специфику, изготовлена из проволоки или деталей, соединенных техникой спайки. В рассматриваемый период наборная техника в большей степени была характерна для поволжских финнов: мери, муромы, мещеры. В Прикамье для изготовления украшений в большей степени практиковалось литье.

Таким образом, на основании рассмотренного материала можно сделать несколько выводов:

1. Уже в IX в. оформился костюм, по которому марийское население Ветлужско-Вятского междуречья можно отличить от соседних народов.

2. Марийский средневековый костюм по основным элементам и украшениям в большей степени близок к костюму поволжских финнов, что объясняется особенностью формирования и этнической близостью этих народов.

3. Многие детали костюма IX–XI вв. получают дальнейшее развитие в последующие эпохи и, несмотря на значительную трансформацию на протяжении нескольких столетий, имеют параллели в традиционном марийском костюме.

Источники и литература

Архипов Г. А. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1973. 198 с.

Архипов Г. А. Древнемарийский костюм IX–X вв. (Опыт реконструкции по археологическим материалам Веселовского могильника) // Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Труды МарНИИ. Вып. XVI. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1961. С. 127–138.

Бейлекчи В. В. Древности летописной муромы. Погребальный обряд и поселения. Муром: МФ МПСИ, 2005. 275 с.

Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: БГПУ, 2009. 285 с.

Вихманн Ю. Очерки по марийской этнографии / Пер. с нем. Хельсинки, 1913. НРФ МарНИИЯЛИ, оп. 1, д. 594. 124 с. машинописного текста.

Воронина Р. Ф. О некоторых деталях одежды среднепеченской мордвы VIII–XI вв. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 140. М.: Наука, 1974. С. 33–38.

Гаген-Торн Н. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. 228 с.

Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров // Свод археологических источников. Вып. Е-1-59. М.: Наука, 1979. 113 с.

Голубева Л. А. Марийцы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. М.: Наука, 1987. С. 107–115.

Городцов В. А. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г. // Древности. Т. XXIV. М., 1914. 385 с.

Гришаков В. В. Отчет о работе Нижнеокской археологической экспедиции в Горьковской области в 1986 году // Архив кабинета археологии Мордовского ГПИ им. М. Е. Евсевьева. № И-1175.

Гришаков В. В., Зеленева Ю. А. Муром VII–X вв. Йошкар-Ола, 1990. 77 с.

Давидан О. И. Ткани из курганов Юго-Восточного Приладожья и Прионежья // Кочуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 316–336.

Диенеш И. Пербетейская находка. Каким был пояс венгров – завоевателей родины? // Archaeologiai eresito. Budapest, 1959. Vol. 86.

Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: НГУ, 1990. 164 с.

Елкина А. К. Исследование коллекции древнего текстиля из археологических памятников Удмуртии // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 143–152.

Ефимова Л. В. Ткани из финно-угорских могильников I тыс. н. э. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 107. М.: Наука, 1966. С. 127–134.

Зайцева И. Е. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Том 2. Материальная культура и хронология. М.: Наука, 2008. С. 57–142.

Иванов А. Г. Качашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск: УДИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 140–180.

Иванов В. Угорские племена в Восточном Закарье и Приуралье // История татар с древнейших времен в семи томах. Волжская Булгария и Великая степь. Т. II. Казань: РухИЛ, 2006. С. 408–417.

Иванова М. Г. Мало-Венижский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982. С. 52–76.

Иванова М. Г. Погребальный обряд северных удмуртов IX–XIII вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск: УДИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 35–55.

Иванова М. Г. Удмурты // Финно-угры Поволжья и Предуралья в средние века. Ижевск: ИИЯЛ УНЦ УрО РАН, 1999. С. 207–254.

Казаков Е. П. О некоторых группах деталей поясного набора волжских болгар IX–XI вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Том 2. Самара: Самар. обл. ист.-краевед. музей им. П. В. Алабина, 2001. С. 170–179.

Косменко А. П. Народное изобразительное искусство вепсов. Л.: Наука, 1984. 199 с.

Краснов Ю. А. Безводнинский могильник. М.: Наука, 1980. 225 с.

Крыласова Н. Б. История прикамского костюма. Пермь: ПГПУ, 2001. 259 с.

Крыласова Н. Б. Археология повседневности. Материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2007. 351 с.

Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1956. 160 с.

Левашова В. П. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М.: Совет. Россия, 1967. С. 207–252.

Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VII–XII в. М.: Наука, 1981. 162 с.

Мальм В. А. Поясные и сбруйные украшения // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимиревского, Михайловского и Петровского могильников. М.: ГИМ, Ярослав. музей-заповедник, 1963. С. 64–70.

Мартьянов В. Н. Декоративный комплекс женского костюма мордвы-мокши VIII–XI вв. // Материалы по археологии Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976. С. 88–106.

Мартьянов В. Н. Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. Арзамас: АГПИ, 2001. 322 с.

Марийские народные загадки // Свод марийского фольклора / Сост. А. Е. Китиков. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 432 с.

Материалы по истории мордвы VIII–XI вв.: Крюково-Кужновский могильник. Моршанск: Моршан. краевед. музей, 1952. 232 с.

Материальная культура среднецнинской мордвы VIII–XI вв. Археологический сборник. Т. III. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1969. 176 с.

Михайлов К. А., Соболев В. Ю. Новгородские пояса XI–XII вв. // Археологические вести. № 7. СПб., 2000. С. 222–228.

Михайлов К. А. Древнерусские наборные пояса XI–XII вв.: северная и южная традиции // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. С. 145–153.

Молотова Т. Л. Из истории традиционных головных уборов // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 6. Йошкар-Ола: МарГУ, 2012. С. 182–197.

Молотова Т. Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1992. 112 с.

Никитина Т. Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII в.) по материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. 160 с.

Никитина Т. Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.

Никитина Т. Б. О значении и месте пояса в погребальном обряде Дубовского могильника // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Казань: Фолиант, 2011. С. 142–149.

Никитина Т. Б., Алибеков С. Я. Древнемарийская вышивка по материалам Русенихинского могильника IX–XI вв. // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: Амфора, 2012. С. 140–147.

Никитина Т. Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2012. 408 с.

Никитина Т. Б. Поясные кошельки/сумочки в средневековых могильниках Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология, № 2. Казань, 2013. С. 151–161.

Оборин В. А. Рождественское городище и могильник // Уч. зап. ПГУ. Т. 9. Вып. 3. Пермь, 1953. С. 161–177.

Петербургский И. М., Аксенов В. Н. Древние памятники на реке Ляча. Саранск: Красный Октябрь, 2008. 168 с.

Петербургский И. М. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск: Красный Октябрь, 2011. 408 с.

Селеев Г. А. Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX в.). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1975. 247 с.

Тимофей Евсевьев: этнографические коллекции. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 2002. 146 с.

Филоненко В. И. Отчет о командировке в Бирский уезд к язычникам-инородцам // Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год. Уфа: Электрическая губернская тип., 1914. 36 с.

Халиков А. Х., Безухова Е. А. Материалы к древней истории Поветлужья. Горький, 1960. 60 с.

Халикова Е. А. Больше-Тиганский могильник // Совет. археология. 1976. № 2. С. 158–178.

Хвощинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовые) // Труды ИИМК. Том VI. СПб: Дмитрий Буланин, 2004. 408 с.

Худяков Ю., Иванов В. Культура кочевников евразийских степей // История татар с древнейших времен в семи томах. Волжская Булгария и Великая степь. Т. II. Казань: РухИЛ, 2006. С. 504–521.

Шлыгина Н. В. Архаические формы женской одежды води и ижоры // Древняя одежда народов Восточной Европы. Материалы к историко-этнографическому атласу. М: Наука, 1986. С. 208–228.

Эрдели И. Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половины X в. н. э. // Проблемы археологии и древней истории угров. Сб. ст. совет. и венгер. археологов. М.: Наука, 1972. С. 128–144.

Arbman Y. Birka I: Die Gräber: Tafeln. Uppsala, 1940.

The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. Edited by Istvan Fodor. Budapest. 1996. 479 с.

Список сокращений

АГПИ – Арзамасский государственный педагогический институт
АН СССР – Академия наук СССР
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
ГИМ – Государственный исторический музей
ИИЯЛ УНЦ УрО РАН, УДИИЯЛ УрО АН СССР – Институт истории, языка, литературы Удмуртского научного центра Уральского отделения Академии наук
МарГУ – Марийский государственный университет
МарНИИЯЛИ (МарНИИ) – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при Правительстве Республики Марий Эл
МГУ – Московский государственный университет
Мордовский ГПИ – Мордовский государственный педагогический институт
МордНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
МФ МПСИ – Муромский филиал Московского педагогическо-социального института
НГУ – Новосибирский государственный университет
ПГУ – Пермский государственный университет
ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет
РМЭ – Республика Марий Эл

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Никитина Татьяна Багишевна

зам. директора, д. и. н.
Марийский научно-исследовательский институт
им. В. М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл
ул. Красноармейская, 44, г. Йошкар-Ола,
Республика Марий Эл, Россия, 424036
эл. почта: tshikaeva@yandex.ru
тел.: (836) 2641928

Nikitina, Tatyana

Mari Research Institute of Language, Literature and History
under the Government of the Mari El Republic
44 Krasnoarmejskaya St., 424036 Yoshkar-Ola,
Mari El Republic, Russia
e-mail: tshikaeva@yandex.ru
tel.: (836) 2641928